



Тори Ру

Солнечные пятна

«Литнет»

2024

Ру Т.

Солнечные пятна / Т. Ру — «Литнет», 2024

Дорогая подруга, казалось, у нас с тобой никогда не будет друг от друга секретов. Я обещала сохранить нашу дружбу, невзирая на расстояние и долгую разлуку. Ты обещала вернуться. А ОН пообещал всегда тебя любить. Книга издана в бумажном варианте

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	22
Глава 10	23
Глава 11	25
Глава 12	27
Глава 13	29
Глава 14	32
Глава 15	34
Глава 16	36
Глава 17	38
Глава 18	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1

Солнечный свет. Добрый и теплый, согревающий кожу сквозь камуфляжную сетку зеленых листьев, рябью скользящий по стенам маленькой комнаты, изгоняющий из души все печали и тревоги... Справедливый и не терпящий вранья, озаряющий все темные углы и закоулки, выводящий на чистую воду лгунов. Слепящий и нестерпимо яркий — под его пристальным взглядом линяют, высыхают и превращаются в черные угли. Вечный, дающий и забирающий жизни солнечный свет...

Летними вечерами перед закатом я обожаю сидеть на подоконнике и рассматривать балконы и окна серой панельной пятиэтажки напротив.

Как только солнце спрячется за ее крышей, внутри квартир загорится желтый свет, появятся люди, скрывающие свои уютные мирки за прозрачными занавесочками. Люди, однажды нашедшие друг друга, создавшие крепкие нормальные семьи, застывшие в любви. Люди, чье время льется в фарфоровые чашки янтарным чаем из носиков заварочных чайников...

Мне нравится сочинять истории про каждого из них, мечтать и облекать свои прилетевшие из-за далеких пределов вселенной мысли в угловатые странные стихи.

Что еще остается бледной моли Таньке Горюновой, которую все детство стригли под «горшок» — «чтоб не подцепила вшей», которая донашивала за старшим братом вещи, пока они не стали явно жать в груди, которая вдоволь наедалась конфетами лишь раз в году — когда отцу выдавали на заводе новогодний подарок в шуршащем пакетике.

Отца и брата уже давно нет в живых, а за хлипкой фанерной дверью моей комнаты все продолжается и продолжается затяжная гулянка, устроенная матерью и ее собутыльниками.

Я сильнее кутаюсь в чужую серую толстовку и машинально принимаюсь накручивать на палец длинную, черную как смоль прядь своих ведьминских волос — как только я открыто взбунтовалась против «горшка», они за полгода выросли до поясницы, стали густыми и блестящими.

— Танька! Выйди-покажись! Мать зовет! — скребется в дверь и глухо нудит отчим Валя, пожилой алкоголик, с которым мать зачем-то прошлым летом расписалась.

Не отрываясь от разглядывания чужого захламленного балкона, я грубо и громко посылаю Валушку по матери.

— У-ух! Отродье! Ведьма... — обиженно приговаривает он и шаркает обратно на кухню, к товарищам.

Такая я и есть — ведьма. Длинная, худая как палка, но по закону подлости бюст мой будоражит умы мальчишек с восьмого класса. Об этом без слов кричали их вождедеющие взгляды, и хорошо, что обращать на меня внимание в открытую одноклассникам было не положено по статусу.

Это потом, когда у меня появилась Ви и ворох общей с ней одежды, мутить со мной уже не возбранялось, и они честно пытались, но... Бр-р-р! Как вообще можно?..

Я жду не этого. Я томлюсь от предчувствия той любви, в которой двое навечно застывают, как в янтаре — осколке солнца. Как это уже случилось с Ви.

Но она-то подобного достойна.

Ви говорит, что самыми яркими воспоминаниями ее детства были визит Деда Мороза и Снегурочки в ту зиму, когда ей исполнился год, а еще — первый отдых с родителями на горнолыжном курорте, Барби, после которой коллекция наконец была собрана полностью, светящийся в темноте неоновый лак для ногтей.

Самым ярким воспоминанием моего детства был сгоревший пуховик, упавший с веревки над газовой плитой, и последующая пробежка в школу по утреннему морозу в тонком свитере. А еще — то, как я пару недель ходила по улице в белых фигурных коньках на шерстяной носок, потому что у старых ботинок, доставшихся в наследство от брата, вдруг отвалились подошвы.

Но я не в обиде на жизнь, и себя мне не жалко. Ну, разве что совсем немножечко. Ведь все в ней почти наладилось, как только в квартиру этажом выше три года назад переехала Вика — Мальвина из сказки, и ее мама, тетя Анжела.

А окончательно жизнь наладится, когда моя мама, пребывающая в штопоре уже много недель, снова «завяжет», как это обычно и происходит, и звон стаканов, хохот и вопли за фанерной дверью наконец на несколько месяцев стихнут.

Все будет хорошо, потому что на дворе лето, потому что мне всего шестнадцать, потому что иначе и быть не может!..

И мы с Ви, в пух и прах разодетые и покрашенные, однажды вечером пойдем гулять по набережной, где встретим парня, который обратит внимание именно на меня, потому что я так жду, что и со мной случится что-то хорошее.

Кто-то хороший.

Я верю в это всей душой. Я так надеюсь на это.

Вздыхаю, перестаю нещадно кусать окровавленную губу, перевожу взгляд с балконов на розовеющее над ржавыми антеннами небо и, захлебываясь от нахлынувших чувств, словно мантру, шепчу:

Тихонько стороной проходят чьи-то дни.

Поблекло за окном... Не до любви, усни.

Уставшее тепло, озноб, твой сон во сне.

И время истекло, проснешься по весне.

Я буду тебя ждать под слоем паутин.

Стихи твои читать, и знать — я не один.

Глава 2

С утра Валуша с виноватым видом вытирает с кухонного стола засохшие разводы пролитого пойла, сминает пластиковые бутылки и картонные коробки, складывает их в пакет. Туда же вытряхивает ошметинившуюся бычками пепельницу и заходится кашлем.

— Танька, твою ж... — Подпрыгивает он, заметив меня, и тут же заводит свою привычную шарманку: — Тань, дай это... чирик... мать вечером отдаст...

Я лишь улыбаюсь:

— Ага... Будто у меня он есть... — Прохожу мимо Вали, в надежде гремлю чугунными крышками грязных сковородок, загромоздивших двухконфорочную древнюю плиту, но в них, кроме пригоревших остатков жареной картошки, ничего нет. Живот предательски урчит и грозит прилипнуть к спине. В холодильнике с названием «Полюс», когда-то выданном отцу на заводе в счет зарплаты, тоже пусто, как на полюсе — мамины собутыльники сожрали даже заныканную в морозилке курицу.

Я не злюсь — давно уже поймала дзен.

Спотыкаюсь о Валушин мешок, выхожу из провонявшей сигаретным дымом и перегаром кухни в прохладную прихожую и направляюсь к двери.

Естественно, я иду к Ви. Куда же мне еще податься?

Три года назад, я, как обычно, сидела на подоконнике и придумывала сотни разных жизней людям из дома напротив, когда во дворе остановились грузовая «ГАЗель» и блестящая черная легковушка. С высоты третьего этажа я долго наблюдала за тем, как несколько здоровяков тягают из крытого пыльного кузова красивую мебель и дорогую технику и скрываются со своей ношей в подъезде, тяжело протопав мимо нашей разбитой входной двери на этаж выше. Наблюдала за прекрасной молодой блондинкой в светлом спортивном костюме со стразами, и стразы эти на солнце слепили глаза. А еще наблюдала за девочкой, что вышла из машины вслед за гламурной мамой, медленно прошаркала к скамейке, села на нее и безучастно уставилась в одну точку.

Девочка казалась настоящей Мальвиной из сказки — потому что у нее были прекрасные волнистые голубые волосы. А еще на ней были черно-синие полосатые гетры, кеды и пышная юбочка. И растянутый полосатый свитер в тон. И густо подведенные черным глаза.

И у меня, тринадцатилетнего стриженного под «горшок» существа, одетого в джинсы и толстовку брата, вдруг от восхищения перехватило дух.

Потом я узнала, что девочку зовут Вика и что родители ее развелись, что она на год старше меня и учится в гимназии в исторической части города... Соседи говорили про новых жильцов многое, но я поверила лишь в то, что их появление здесь — знак свыше. И каждое утро, когда Вика, нахохлившись, обгоняла меня, выходя из подъезда, я долго смотрела ей вслед... едва сдерживаясь, чтобы не пойти за ней, шаг в шаг, и оказаться в ее волшебном мире.

Появление Ви в моем доме ознаменовалось еще одним чудом — с того дня мама не пила. В «Полюсе» завелась еда, в шкафу — два новых девчачьих свитера, в дневнике, на нужной строчке — родительская подпись.

Она устроилась на работу, исправно трудилась в две смены и даже обещала порадовать меня новогодним подарком... Порадовала.

В тот день в школе подводили итоги первого полугодия — в журнале напротив моей «горемычной» фамилии в ряд сияли пятерки, потом ученики старательно оттирали тряпками с парт собственноручно написанные маты, а потом я, радостная, вприпрыжку бежала домой. Мимо витрин, в которых весело подмигивали гирлянды.

Но домофон в сотый раз пропел и стих, а окна третьего этажа остались холодно-темными. Я присела на скамейку, где когда-то сидела Мальвина, и так же безучастно уставилась вдаль.

Мне хотелось сохранить безучастность, несмотря на то что мороз крепчал, а кроссовки брата и его осенняя ветровка делу никак не помогали. Несмотря на то что очень скоро онемели пальцы ног и руки, а джинсы прилипли к коленям. И безучастность действительно пришла — я закрыла глаза и начала засыпать.

— Эй, мальчик! — чей-то звонкий голос вернул меня с того света. — Что с тобой? Ты откуда? Как тебя зовут?

— Таня... — едва слышно ответила я и заметила удивление в широко распахнутых карих глазах, густо подведенных черным карандашом.

Глава 3

Это был мой первый визит в квартиру номер тринадцать. И далеко не последний.

То, что квартиру той же планировки, что и моя старая хибара, ремонт смог превратить в просторные светлые апартаменты, стало для меня потрясением. Еще потрясением стала тетя Анжела, произносящая свое имя с ударением на первый слог, которой даже вблизи никак нельзя было дать больше двадцати пяти.

А дальше потрясения посыпались как из рога изобилия: комната Вики, увешанная плакатами, коллекция Барби на полках, сувениры, открытки и фотографии со всего света, ворох ярких шмоток на кровати, орущие из телика «Hello» «Jane Air»...

Мы стали постоянно тусоваться вместе, и даже мамин запой прошел едва ли замеченным мной, потому что каждый день после школы я бегом проносила мимо своей квартиры на этаж выше.

Ви обожала канал «A1», а у меня не было кабельного. Ви сооружала немыслимые прически, а мой «горшок» не позволял этого сделать. Ви была очень яркой, а мне походить на девочку мешали уродливые вещи брата.

Однажды Ви накрасила меня и подвела к зеркалу. И я снова задохнулась от восторга. И неверия. И растерянности. Но вовремя поняла, что рядом с Ви, в ее мире, красивой смогла стать даже я.

С Ви всегда было весело: я никогда не знала, что меня ожидает вечером. Будем ли мы красить ногти черным лаком и примерять у зеркала ее вещи, или она сотворит что-то мега-крутое, такое, чего еще не видывал свет, из старых вещей тети Анжелы, и использует меня в качестве модели, или она, выпив вишневого «Блейзера», станет царапать в ванной руки тупым лезвием, и плакать, или же мы будем срывать голоса на песне о том, как «сентябрь горит», и хохотать...

Однажды Ви вручила мне ножницы и повелела укоротить волосы на ее голубой макушке. Я проявила фантазию, и на удивление прическа получилась прикольной. Так Ви предопределила мою судьбу еще на один ближайший год — после девятого класса, несмотря на отличные результаты ГИА, я подала документы в профлицей, где вот уже целый курс отучилась на стилиста-парикмахера.

Ви мечтала о неведомом и необычном, она витала там, откуда ко мне прилетали мои стихи, в ней всегда было что-то непостижимое, неуловимо странное, что притягивало, словно магнит, и резало, как острое лезвие.

Нас сближало отсутствие родительской любви — однажды Ви призналась мне, что после развода родителей отец не интересуется ее жизнью, и эта боль постоянно точила ее, я видела. И тоже страдала.

Без Ви я бы не стала даже тем, чем являюсь сейчас.

А как же иначе? Ведь она — настоящее Солнце.

Хлопаю трухлявой грязной дверью и шаркаю по лестнице вверх, попутно обнюхивая рукав черного платья Ви, идеально мне подходящего. Морщусь от впитавшихся в ткань запахов пьянки, и на миг блаженная отстраненная улыбка, вечно живущая на моем лице, слетает с него.

Ви встречает меня бурным, свойственным только ей восторгом, хватает за руку и тащит за собой в комнату — я едва успеваю поздороваться с тетей Анжелой, склонившейся над модным журналом.

Ви теперь не носит яркий макияж, а синяя краска давно смылась с золотых локонов, но огромные карие глаза сияют так, что впору зажмуриться — и вот я уже снова улыбаюсь.

— Что за вопли? Увидела живьем кого-то из этих? — Я указываю на оклеенные плакатами стены. — Или во всем виноват твой Че?..

— Господи, Темка тут вообще ни при чем! — Ви картинно вздыхает. — Радость меня переполняет оттого, что мама наконец разрешила мне уехать из этой грязной дыры!

— Что? — Ноги слабеют, и я осторожно опускаюсь на край кровати.

— Ты же помнишь — я отправила документы в несколько универов. Так вот: меня приняли на дизайн... И завтра я уезжаю.

— Но это же в тысячах километров отсюда! — Я не верю своим ушам и почти вижу, как мой идеальный мир теряет позолоту, тускнеет и съеживается. — Как ты будешь там жить?

— У папы сейчас бизнес в этом городе... — Ви осекается, резко разворачивается к шкафу и раскрывает зеркальные створки. Она хватает платья, юбки и блузки, и горой сваливает их на кровать рядом со мной.

Она — мой талисман, моя хорошая примета, мой проводник в сказку — уезжает. Она бросает меня. Не думала я, что это случится так скоро...

— Ви, а как же я?.. — шепчу онемевшими губами. Чертов мир уже начинает по кирпичику разрушаться, но Ви меня словно не слышит — наизнанку выворачивает свой шкаф.

— Ви! — ору я. — А как же Че?!!

И тут же затыкаюсь — я не должна повышать на нее голос.

Она поворачивается ко мне и на секунду застывает, делает шаг навстречу, прикладывает к моим плечам очередное красивое платье и вдруг улыбается:

— Вот. Это тебе. Это все — тебе. — Она кивает на гору одежды, выросшую на кровати. Мы смотрим друг на друга.

Солнце и Луна, свет и тьма, сила и слабость... Я отвожу глаза первой и отступаю.

— Да не надо мне этого, Ви. Я пойду.

— Забирай! Тебе это нужно! — настаивает она, голос звенит.

— Обойдусь без твоего тряпья! Отвали! — рявкаю я и пулей выбегаю из комнаты.

— Нет, ты его заберешь!!! — визжит Ви мне вслед.

Мир только что окончательно рухнул, пыль взвилась в воздух и оседает мне на плечи, лицо, забивается в легкие...

Я грохочу по гулким ступеням, ногой распахиваю хлипкую грязную дверь, пролетаю мимо напуганного Вали в комнату и закрываюсь изнутри на шпингалет.

— Вот ты и снова на своем месте, Танька. — Залезаю на подоконник и прислоняюсь лбом к прохладному стеклу. — Как ты там говорила? В твоей жизни все скоро наладится? Найдется и еще кто-то хороший? Обломись! Ты потеряешь всех!

Глава 4

Мы всегда жили бедно, но весело: почти каждый вечер отец, вернувшись со смены, зазывал в гости дружков со всех окрестностей, и мать до глубокой ночи громко смеялась, мешая нам с братом спать.

Но брат был на десять лет старше — он собирался и уходил, и иногда не показывался дома неделями. Он хорошо учился, но школу так и не окончил: не успел — за два месяца до выпускных экзаменов попал под машину, когда бежал на тренировку по футболу. Я уже почти не помню его лица, но брат был хорошим. Через полгода, в ноябре, на пустыре насмерть замерз отец.

И только я прижилась здесь, как сорняк, и, чтобы не замечать паутину в углах, пожелтевшие столетние обои, облезшую краску на подоконнике, нищету и беспросвет, все витаю где-то в неведомых мирах.

А все уходят и бросают меня. Ви бросает.

Если я сейчас поддамся этой боли, меня просто разорвет — выпятив вечно обкусанную окровавленную губу, я часто дышу и пялюсь сквозь стекло во двор.

В окне четвертого этажа панельной пятиэтажки зацвел кактус. На подоконнике третьего появилась новая ваза. На втором — деревянную раму сменили на пластиковую.

Кто-то настойчиво стучит по входной двери, Валя бубнит под нос проклятия и шаркает в прихожую.

— Валентин Петрович! Добрый день! Таня где? — раздается спокойный и приятный голос тети Анжелы, как только щелкает старый замок.

— Да дома вон! — шамкает Валька и недовольно продолжает: — Танька, Танька... Достали...

Я слетаю с подоконника, гремлю шпингалетом и нос к носу сталкиваюсь с Ви — она виновато топчется в проеме, из-за ее плеча выглядывает миниатюрная тетя Анжела.

— Девочки! — Она подталкивает Ви в спину и проходит следом. — Пора мириться!

Вместе с ними в комнату wpłyвает шлейф умопомрачительных нежных духов, с грохотом вкатываются чемоданы, материализуется пакет со съестным в белом контейнере из пенопласта.

— Так, здесь вам покушать. — Тетя Анжела оставляет пакет на полированном столе, если верить наклейке снизу — семидесятого года сборки, и приказывает: — Вика, что ты мнешься, а ну, присядь!

Ви послушно опускается на скрипнувший пружинами диван, я молча сажусь рядом.

— Такой дружбой нужно дорожить, глупые дети! Миритесь сейчас же! — Тетя Анжела выходит из комнаты, но оборачивается на пороге: — Не теряйте времени, сходите сегодня куда-нибудь. После отъезда Вики такая возможность представится вам еще не скоро!

Спустя двадцать минут роллы из контейнера съедены, дежурные извинения, которых для Ви оказалось достаточно, сказаны, и она выгружает из чемоданов свои самые лучшие наряды и складировать их в мой шкаф без одной дверки.

— Солнышко, как ни прискорбно осознавать, но на тебе все эти вещи смотрятся гораздо круче! — Ви заправляет за уши светлые локоны. — Поэтому я от всего сердца... от всего сердца — поняла? — дарю их тебе. Я все равно не увезу с собой все это.

Я наблюдаю за Ви со своего дивана. Скоро видеть ее каждый день, выпадая из неприглядной реальности, я и вправду уже не смогу. Она останется лишь в моей памяти, откуда через годы будет возвращаться ко мне ярким, как солнечный луч, воспоминанием о сопливой юности, забытыми мечтами. А прямо сейчас я глотаю слезы.

— Прости меня, Ви... — говорю глухо. — Прости, что разоралась... Я так не хочу, чтобы ты уезжала. Я так боюсь...

Она роняет из рук новехонькие синие джинсы с биркой, прыгает на диван и бросается ко мне с объятиями. Истерим мы долго — Ви — во весь голос, я — молча — до тех пор, пока мобильник Ви не испускает звонкую трель.

— Это Че... — виновато шепчет Ви и шмыгает носом. — Он тоже хотел провести этот вечер со мной. Может, потусуемся вместе?

Глава 5

Однажды, еще до моего рождения, мама выиграла в мгновенную лотерею шикарную книгу со сказками братьев Гримм, и до пяти лет брат каждый вечер читал для меня волшебные истории, которые я заворожено слушала.

Я любила сказку про Золушку. Любила довольно долго. У меня с ней много общего — та же нищета и полное отсутствие перспектив, та же грязь, с которой приходится нещадно бороться с помощью веника и швабры, тот же навык из ничего приготовить обед, чтобы не упасть в голодный обморок, то же странное и неуместное витание в облаках.

Однако лет в тринадцать вдруг закралось подозрение, что в этой сказке есть подвох — в реальности принц никогда бы не обратил внимание на Золушку. Какой бы красивой она ни была. Ну, если, конечно, этот принц в ладах с головой.

В мире все справедливо — деньги тянутся к деньгам, красота — к красоте, удача — к удаче.

Примерно через год после того, как Ви спасла меня от страшной участи превратиться в сосульку, что постигла и моего папашу, с ней произошла разительная перемена — она перестала сочувствовать эмарям и густо краситься, вернула волосам натуральный оттенок и раскрутила тетю Анжелу на покупку новых стильных шмоток.

Она день и ночь вздыхала, на глазах худела и бледнела, и каждый вечер, чем бы мы ни занимались, ровно в 22:00 включала телик, где по областному каналу шла молодежная музыкальная программа.

Ви подпирала ладонью щеку, прилипала к экрану и выпадала из мира на целый час.

И весь этот час, в перерывах между клипами, на экране напропалую звездил VJ Че.

Этого парня знала в лицо каждая собака в нашей и соседних областях, и даже не хватающие звезд с неба девочки из моей школы были поголовно в него влюблены.

Еще Че вел официальные молодежные мероприятия и летние опен-эйры, что изредка проходили в окрестностях города, писал статейки про неформалов для местных газет, но самым удивительным было то, что на тот момент он являлся учеником десятого класса гимназии, где училась Ви.

И ее тоже угораздило в него влюбиться.

— Ты испортилась, от тебя начинает вонять! — Тормошила я Ви, когда она впадала в глубокую хандру. — Поднимай задницу, давай на набережную сходим...

Но Ви не шла — и это была самая тухлая зима в моей жизни.

На школьном вечере, устроенном по поводу восьмого марта, Че наконец подкатил к моей подруге, и случилась большая любовь. Моя теория сработала: их просто не могло не притянуть друг к другу.

Без шуток. На этих двоих было больно смотреть — больно от зависти и восхищения. Я даже не пыталась ревновать и, когда Ви уходила с ним гулять, смиренно поднималась к себе и забывалась сном под побитым молью шерстяным одеялом.

Слишком уж высоко они летали: букеты из сто одной розы, поцелуи у подъезда, романтические вечера на холме за городом, горящие глаза и пылающие щеки — все это было настолько из другой, чужой и красивой жизни, что даже не трогало.

А сейчас Ви, задержав дыхание, рисует на моих зеленых, как у кошки, глазах идеальные стрелки — в последний вечер пребывания подруги в городе мне все же предстоит попытаться взлететь до ее уровня и не грохнуться с позором вниз.

— Вау! — выдыхает она и закрывает тюбик с подводкой. — Я бы умерла за такую внешность!

Этот комплимент в ее исполнении я слышала миллион раз и теперь изо всех сил сдерживаю слезы, чтобы не испортить макияж — вряд ли я услышу подобное от кого-то еще. От нее — уж точно сто лет не услышу.

— Не прибедайся! — бурчу смущенно, встаю с дивана и поправляю ворот изумрудно-зеленого свитера, пахнущего Викиным парфюмом. — Слушай, зачем ты позвала меня на свое свидание? Я нужна вам там, как рыбе зонтик!

— Нужна-нужна, Солнышко! — широко и странно улыбается Ви. — Будешь прикрывать! ***

Ну, конечно же, Ви тащит меня на излюбленное место тусовки всей здешней молодежи, гордо именуемое Кошатником. Кошатник расположен за Октябрьской площадью — главной площадью города — и представляет собой смотровую площадку на возвышении, отгороженную от края черным каменным ограждением. Это ограждение здесь служит длинной импровизированной столешницей, вдоль которой то тут, то там стоят небольшие группы молодежи, пьют пиво или что покрепче, курят, обнимаются, шумят и хохочут. К тому же с Кошатника открывается отличный вид на бюсты видных деятелей прошлого, установленные внизу, заросший кустами лягушатник реки, давшей название нашему городу, и другой берег, застроенный новыми микрорайонами.

Несмотря на ползущие вдалеке машины, уши закладывает странная тишина — сейчас то особенное время суток, когда мир под рыжим, полинявшим по краям вечерним небом похож на сказку. И я вижу темный, четко прорисованный силуэт Че — облокотившись на ограждение, парень моей подруги задумчиво рассматривает дальние дали.

Пытаюсь проследить за его взглядом, но отвлекаюсь — под ногами начинаются ступени, преодолев которые, мы подходим ближе.

Че обнимает Вику, целую вечность прижимает к себе, целует в макушку.

Она отстраняется. Он достает из рюкзака пиво, и Ви забирает бутылку. Спыхватываюсь, краснею и отступаю назад — я никогда раньше так не пялилась на этих двоих. Я старалась вообще на них не смотреть.

Кто-то трогает меня за плечо. Резко поднимаю голову и вижу идеально правильное лицо, профессионально-широкую улыбку и отражение закатного неба в зеленых глазах, на которые падает русая челка.

— Ты Таня, да? — усмехается Че, и я киваю. — Прикольно! Держи.

Он сует мне в руку пиво и, снова загадочно усмехнувшись, возвращается к Ви.

А сегодня душно... До дурноты.

Прислонившись спиной к черному мрамору, отпиваю горькое пиво, коротаю вечер, вполуха слушая шутки незнакомых ребят, столпившихся неподалеку. Иногда я наблюдаю за Ви — она напряжена до предела, но на парня ее смотреть больше не рискую, замечая лишь, как забитая татуировкой рука слетает с плеча Ви, когда та резко им поводит.

Становится прохладно, начинают донимать комары.

Ви звонко ставит на асфальт пустую бутылку, что-то говорит Че и подходит ко мне:

— Солнышко, пойдём, носик попудрим.

Нетвердыми ногами мы спускаемся по узкой лесенке вниз, проходим мимо танков и пушек, установленных за площадью в качестве памятников Великой Отечественной, и Ви вдруг объявляет:

— Сегодня я его брошу!

— Чего?!! — Я спотыкаюсь о бордюр, но Ви вовремя подхватывает мой локоть.

— Я его брошу, — быстро шепчет она, и я только сейчас замечая ее покрасневшие опухшие глаза и проступившую бледность — похоже, она всю ночь плакала. — Тань, я не выдержу, если он завтра придет меня провожать, я просто не смогу сесть в поезд... Я не хочу, чтобы он меня ждал, пусть лучше ненавидит, но идет по жизни дальше!.. И я пойду...

Порыв сырого ветра с реки тревожит кроны деревьев, и листья возмущенно шипят.

— Бред какой-то... Ты напилась. — Высвобождаю локоть и пытаюсь идти в другую сторону. — Оставайтесь. Мне домой надо...

Но Ви снова тянет меня за рукав, умоляя:

— Тань, не уходи, без тебя я не справлюсь!

А мне вдруг становится нечем дышать от осознания, что завтра, как только ее поезд тронется и покатится прочь из этого города, Ви перелистнет последнюю страницу нашей истории, закроет и выбросит книгу. Она стремится закрыть эту книгу... Даже несмотря на то что оставит разрушенным не один мир.

— Пошла ты, Ви! — выплевываю я. — Я в этом не участвую. И, кстати, меня завтра тоже можешь не ждать!

Я почти бегу к остановке — нужно успеть на трамвай, чтобы закатить дома скандал матери. А ведь действительно — давно я не закатывала матери скандалов!

Глава 6

Сгустившиеся сумерки распугали с лавочек всезнающих бабуль, их сменила влюбленная парочка, непонятно откуда залетевшая в наш двор.

Уже на дальних подступах к подъезду слышу залиvistый хохот матери, звенящий из открытой кухонной форточки.

От злости и бессилия в груди останавливается сердце.

Я вваливаюсь в прихожую, задыхаюсь от клубов сигаретного дыма и мерзкого запаха чего-то жирного, и мать, перекрикивая невнятную речь собутыльников, зовет:

— Танюх, пришла? Танюх, там эта тварь белобрысая... Анжелка... коробку тебе какую-то принесла...

Меня перемкнуло. Какой там дзен — мне до него как до Китая.

Врываюсь в кухню и во все горло ору:

— Сама-то ты кто?! Да она же ко мне в сто раз лучше, чем ты, относится... — Валя и еще пара совершенно одинаковых опухших личностей пытаются меня урезонить, но я хватаю одного из них за расслабленные безвольные плечи, рывком сталкиваю со стула и пинками гоню к выходу. Расшвыриваю вырастающие на пути живые препятствия и решительно возвращаюсь на кухню, чтобы выпнуть оттуда второго. Кажется, я впала в сумеречное состояние — только спустя пару минут после зачистки квартиры осознаю, что орала трехэтажным матом и меня трясло так, что зуб на зуб не попадал.

Валя прикрывает ладонью лицо и, жвав голову в плечи, пробегает в гостиную, а мать испуганно пялится на меня подкрашенными синим осоловелыми глазами:

— Тань, Тань, ты чего, а?.. Чего?

— Не тварь она, понятно? — устало отвечаю. — А ты, мать года, завязывай уже. Достала!

В комнате меня еще долго колотит, голова гудит, в груди теснится столько всего, что нормально дышать не получается.

На престарелом письменном столе я вижу плоскую картонную коробку, а в ней — ноутбук Ви, облепленный наклейками с веселыми черепушками и стразами, и бумажку с паролем от Wi-Fi соседей.

С ногами забираюсь на скрипучий потертый диван, открываю ноутбук, и на экране улыбка до ушей загорается наше с Ви фото столетней давности — на нем она все еще с синими волосами, но я — уже с длинными черными.

«Это — подарок», — написано на обороте бумажки. — «В нем все мои воспоминания о тебе. А еще мы с тобой постоянно будем на связи. Сделай себе профиль в соцсетях. Я тебя люблю, Солнце! Навсегда твоя Ви».

До наступления ночи листаю фотки — я помню время и место появления каждой из них. Всего три папки — «2008», «2009», «2010», в которых живут счастливые мгновения моей жизни.

По рассеянности Ви не удалила с диска и еще одну папку — «One Love», но в нее я не лезу.

До рассвета я не могу уснуть — тяжело вздыхаю, ворочаюсь на жестком диване, шмыгаю носом и стираю пальцами слезы со щек. Выстегиваюсь лишь на пару часов и прихожу в сознание от шума двигателя и хлопка закрывшейся автомобильной дверцы во дворе. Я тут же вскакиваю, в два прыжка оказываюсь у окна — черная машина, мигнув левым поворотником, скрывается за углом панельной пятиэтажки.

Судорожно натянув на себя красно-белый полосатый свитер Ви, ее же джинсы и красные кеды, я вылетаю из дома, еще сорок минут умираю от спешки и страха в гудящем и гремящем

на все лады трамвае, а потом со всех ног бегу по привокзальной площади к платформе. Ви сидит на чемоданах, понуро уставившись в телефон, а тетя Анжела, прикрыв глаза от слепящего солнца ладонью, вглядывается вдаль, за склады, откуда вот-вот должен удавом выползти зеленый пассажирский состав.

Я перепрыгиваю через рельсы свободных путей, забираюсь на асфальт перрона и нависаю над Викой, закрывая солнечный свет. Она поднимает голову и молча улыбается.

Сажусь рядом на пустующий чемодан, тетя Анжела машет мне, продолжая топтаться у белой линии. Я специально оглядываюсь вокруг в надежде увидеть Че, но его нигде нет.

Получается, что Ви все же сделала это...

— Как прошло? — тихо говорю, и Ви берет меня за руку.

— Как по нотам. — Она все еще пытается удержать на лице улыбку, но срывается на рыдания. — Я сказала, что не уверена в своих чувствах... А потом сказала, что уверена... что не люблю его и никогда не любила. А на самом деле... Ты же знаешь, как на самом деле. Я просто боюсь, что время и расстояние все испортят!

Из-за края угрюмой постройки показывается нос локомотива и первые вагоны. Как ошпаренные, мы вскакиваем и растерянно смотрим друг на друга. Тетя Анжела подбегает к Ви, обнимает ее и гладит по светлым волосам.

— Ну, вперед, ребенок. Учись там, слушайся папу. Я приеду, как только начнется отпуск...

Ви выдает еле живую улыбку, хватая рюкзак и чемодан, вскользь целует меня в щеку и быстро шепчет:

— Я люблю тебя. Не забывай меня, ладно? Я вернусь!.. Ладно?

— Ладно! — громко объявляю я, хотя риску грохнуться в обморок от ужаса.

— Мамуль, не забывай про Таню! — Ви снова срывается на плач, тетя Анжела поднимает оставшийся чемодан и подталкивает Ви к двери нужного вагона.

Я остаюсь на перроне, и солнце, словно прожектор, освещает меня со всех сторон.

Засунув руки в карманы, разворачиваюсь и медленно ухожу.

Я иду к навесному мосту — поднимаюсь по сотне ступенек, направляюсь к другой ступене, а куда двигать дальше — мне абсолютно все равно...

Взгляд равнодушно скользит по лицам людей, спешащих с баулами и узлами к подошедшей пригородной электричке, по зеленым кронам тополей, по белым облакам в голубом небе... пока не замирает на бледном осунувшемся, но все еще идеальном лице. Знакомом всему городу лице.

Че подмигивает мне.

С усилием отвожу взгляд и, рассматривая камешки, сияющие в черном гудронном покрытии под ногами, быстро прохожу мимо.

Глава 7

— Солнце, постой! — раздается за спиной голос, который миллион раз лился из динамиков крутого телевизора Ви.

Словно наткнувшись на невидимую стену, резко торможу и оборачиваюсь:

— Как ты меня назвал?..

Че возникает рядом, хватается одной рукой за ржавые перила и, странно растягивая слова, пускается в объяснения:

— Вика много о тебе рассказывала, она всегда называла тебя так. Извини, если обидел...

— Не обидел... — Пожимаю плечами. Мгновение мне кажется, что невидимая ниточка протянулась ко мне от подруги, пусть даже и через посредника, но я тут же замечаю, что Че пьян, и волшебство меркнет.

Пытаюсь обойти его и отвалить, но Че удерживает меня за плечо и заглядывает в глаза:

— То, что Вика сказала мне вчера... Это правда? Я тебя умоляю, скажи!..

Я снова до крови кусаю губу и лихорадочно соображаю.

Зачем ей понадобилось так все усложнять? Есть же Скайп, есть телефон, есть поезда и самолеты, так чего ради нужно ломать любовь, которая мне даже не снилась, чего ради так мучить себя и этого совершенно раздавленного парня? Он сейчас несколько не похож на красавчика из телевизора, по которому сходят с ума девчонки.

Я смотрю на него — из него будто выбили душу. Сейчас он похож на меня.

Справившись с комом в горле, открываю рот, чтобы сказать правду, но за спиной Че вдруг начинается странная возня.

Две девушки, спешившие было к электричке, громким шепотом о чем-то спорят, и одна из них нерешительно пищит:

— Че?.. Можно с тобой сфоткаться, Че?..

И Че мгновенно меняется.

Он «включает звезду» — натягивает на лицо широкую надменную улыбку, проводит рукой по челке, наклоняется к поклонницам, и одна из них щелкает кнопкой цифровой «мыльницы».

Девушки млеют и хихикают, подают для автографа ручки и зачетки, наклеют, просят у Че номерок телефона, и он их отшивает. Но делает это так элегантно, что девушки бегут к своей электричке счастливыми.

Я исподлобья наблюдаю за сценой, а винтики все вертятся и вертятся в мозгах, пока до меня не доходит — вот то, чего Ви так боится. Она боится, что однажды, когда ее не будет рядом, Че не устоит.

Я обещала Ви хранить нашу дружбу, Че — ее любить. А она обещала вернуться.

И прямо сейчас, под ярким испепеляющим, почти полуденным солнцем, я мысленно клянусь себе и ей, что здесь, в этом мире, до ее возвращения все останется неизменным.

— Она никогда не обсуждала тебя со мной, Че! — странно быстро нахожу я ответ, когда Че снова преграждает мне путь, и он тут же отступает в сторону.

Брусчатка привокзальной площади рябит в глазах, ветер с тяжелой примесью мазута развеивает волосы, люди с сумками и чемоданами, натываясь на меня, спешат к новой жизни, что начнется для них через миллионы мелькнувших под поездом шпал.

Я иду очень быстро, почти бегу, на ходу пытаюсь сжиться с ужасающим чувством потери. Я иду домой — где Валя наверняка светит поставленным мною вчера синяком, где снова нечего есть, где опять придется браться за веник и швабру. И возможности спастись от этого в квартире на четвертом этаже больше нет.

— Подожди, а?.. — Че обгоняет меня и, пошатываясь, встает рядом. — Слушай... Так хреново мне не было еще никогда... Пожалуйста, давай немного помотаемся по Центру?..

Весь день Че, ссутулившись и засунув руки в карманы джинсов, нарезал круги по окрестностям, а я тенью следовала за ним. Каждые двадцать метров с Че кто-то здоровался, окликал издали, кивал или просто оглядывался ему вслед.

А теперь мы, оба почти без сил, сидим в заросшей хмелем беседке в глубине опустевшего парка, и комары вокруг устроили настоящий пир.

— А ты раньше теряла кого-нибудь? — тихо спрашивает Че и всматривается в сумерки.

— Ага... — киваю, хотя едва ли это нужно в сгущающейся темноте.

— Кого?

— Папу. И брата. А ты?

— Бабушку...

— О... — тяну я, потому что не знаю, что говорят в таких случаях.

— Все нормально. Даже тогда было легче. — Че лезет в карман и шуршит в потемках пакетиком. — Это фисташки, так что не предлагаю...

— Отчего же? Давай их сюда. — Протягиваю руку. — Обожаю фисташки!

— А... Просто Ви их терпеть не может. — Че отсыпает щедрую кучку соленых орешков в мою ладонь. — Интересно... А что еще ты обожаешь?

Что я могу обожать? Это просто смешно... И никого, кроме Ви, никогда не волновало.

— Стихи сочинять! — выдаю почему-то вслух.

— Стихи? — Че встает со скамейки и нависает надо мной. — Хорошие?

— Откуда ж я знаю? — взвиваюсь я. — Они просто есть в моей голове, и все!

— Представляешь, я тоже люблю стихи! Но сам их не пишу. Так что давай, Солнце. — Плавным жестом виджая из телевизора Че представляет меня несуществующей аудитории. — Вещай!

Я выбрасываю в урну скорлупки, отряхиваю руки, откашливаюсь, но лишь еле слышно мямлю:

— Ну... Черные спины бед, пыль замечает след.

Кровь за простой совет! Губы немые в ответ.

Кто-то в бреду сказал: «Смяты пути назад».

Здесь, где палит гроза, даль стерегут глаза,

Время летит по степям. Скоро ты не узнаешь меня...

Серые ребра снов, мраморный лом зубов,

я все ищу врагов не из числа богов.

Прячет проем дверной песен собачьих вой,

темен апрель хромой, ты не придешь домой.

Ветры цветы теребят... Я уже не увижу тебя...

Че не двигается, и тишина, окутавшая парк, еще никогда не была такой громкой.

Потому что этот парень вдруг оказался вторым человеком в жизни, кому я вот так запросто прочитала свои рифмы. С каждой секундой я все мучительней краснею, пытаюсь спрятать пальцы в растянутых полосатых рукавах, исчезнуть, испариться, на худой конец просто умереть.

Что же я вообще делаю здесь, в темной беседке, рядом с парнем — местной достопримечательностью, по уши влюбленным в Ви? Куда тронулся мир?..

— Что-то не так? Они про потерю... Про ее ощущение... Забей! — почти кричу я, но Че быстро проводит рукой по лицу и тихо произносит:

— Ты сейчас меня вывернула.

Глава 8

По тротуарам, залитым светом желтых фонарей, Че провожал меня до остановки, и длинные черные тени, похожие на марсиан, скользили по асфальту и стенам, сворачивали за углы каменных зданий и прятались в темноте.

Че рассказывал о казусах, случавшихся с ним в прямом эфире: о странных гостях и буйных фанатках, о новогоднем выпуске программы, которая шла в записи, потому что к концу прошлого новогоднего эфира съемочная группа не смогла твердо стоять на ногах, о выходках заезжих столичных звезд, с которыми Че общался. Я слушала его открыв рот, следила за каждым жестом, улыбкой, интонацией и ловила себя на мысли, что нахожусь по ту сторону экрана. Или мира...

Гремя колесами, подкатил трамвай, Че улыбнулся:

— Спасибо, что не дала умереть! — И двинул в темноту поросшего тополями сквера, а я весь путь домой терпела на себе пристальные, полные зависти взгляды девочек, запрыгнувших в салон на той же остановке.

В кой-то веки дома не было пьянки, а из погруженной во мрак гостиной слышался громкий храп матери.

Скоро середина ночи, а я все сижу на подоконнике и прислушиваюсь к своей душе — в ней лишь отголоски тоски, и сердце заходится, но так страшившей меня неизбывной боли отчего-то нет. Возможно, чем дальше в пространстве и времени моя подруга, тем слабее связь душ? Я ведь любила когда-то брата... Но теперь он в стольких годах от меня, что и его в своей душе я почти не чувствую. Неужели время и расстояние действительно способны испортить абсолютно все?

Протянув руку, беру со стола поблескивающий стразами ноутбук, открываю его и ищу через поиск соцсети. Наобум нажимаю на кнопки и ссылки, но все же создаю свой первый в жизни аккаунт. Разыскиваю Ви и стучусь к ней в друзья. Она сразу отвечает:

«Почему не спишь, Солнце?»

«Не могу уснуть». С трудом нахожу нужные буквы на клавиатуре, и написание ответа занимает целую вечность. «А ты?»

«Попутчик накурился чего-то в тамбуре и устроил дебош. Его только что скрутили и высадили на станции. Я сейчас в таких местах, про которые ни один географ не знает))) Как ты?»

«Хорошо».

«Как день провела? Что делала?»

Я дергаюсь, и ноут едва не падает на пол.

Принимаюсь сочинять нейтральный ответ, подыскиваю нужные буквы, набираю лишь единственное слово, но снова щелкает оповещение от Ви:

«Тань, телефон сейчас сдохнет. Отпишусь, как приеду. Люблю тебя!»

И мое: «Ничего» так и висит в окне диалога не отправленным. И непрочитанным.

Я мучительно тру ладонями щеки, выгибаю спину, потягиваюсь до звездочек перед глазами, трясую головой... Только что я намеревалась соврать Ви. Я соврала ей, только она об этом не узнала.

Утром сладкий неясный сон взламывает резкий звук — за фанерной дверью комнаты кто-то застегивает молнию на сумке, топает и сдавленно матерится.

Чертыхаясь, слезаю с дивана и высовываю нос в прихожую — мать, при параде, пытается уложить в огромный клетчатый баул полотенце и тапочки.

— Ты куда? — хриплю.

Мать поднимает на меня глаза:

— Да участковый новый вчера приходил. Твои вопли весь дом слышал, кто-то из соседей и настучал... Ефимовна, мне кажется...

— И? — прерываю я.

— Чего — и?.. Сказал — если не завяжу, родительских прав лишат, пособия, пенсии по потере кормильца. Да еще и алименты тебе, дуре, платить заставят... Протоколом пригрозил. Да я что-то сама уж устала — пойду сдаваться.

— В Третью на*кологию? — на всякий случай уточняю, хотя и так понятно, что мать едет туда, и я готова смеяться и плакать от счастья, прыгать на одной ножке, обнимать и целовать маму, кричать, что она у меня лучше всех.

— Ага. Не упру я этот баул — замок, вишь, поломался.

— Да брось, ты же больше суток там не выдержишь! — смеюсь, мать кивает, перекладывает в пакет халат с тапками и, тяжело дыша, выходит за дверь.

Вали с вечера нет дома. Раскрываю настежь все окна, прибираюсь в комнате, прибавляю громкость на ноутбуке, но плоский звук едва слышен за звуками лета, влетевшими в наше ветхое просыревшее жилище со двора. Я ору песни из плейлиста Ви, заслушанные когда-то до дыр, орущую веником и шваброй, и улыбаюсь не отстраненно, а по-настоящему, от всей души.

Ближе к обеду забегает тетя Анжела, справляется о моих делах, сует в руки пластиковый контейнер с чем-то горяченьким, говорит, что Ви уже на месте — час назад ее встретил отец. Приглашает подниматься к ним как можно чаще, не стесняться. Я благодарю, киваю и улыбаюсь, улыбаюсь, улыбаюсь...

Сегодня я прожила целый день так же, как свою жизнь проживает Ви — посвятила его себе, радовалась, смеялась и пела.

Но, выйдя с полотенцем на голове из ванной, наткнулась на мутного бледного Валу, крепко сжавшего в крючковых пальцах кухонный нож.

— Кто такая?..! Ведьма... ведьма... отродье... — В приступе белой горячки он кинулся на меня, и я, едва успев схватить кеды, выскочила в подъезд.

Глава 9

Такое случалось и раньше.

У меня трясутся руки, но улыбка упрямо застывает на лице.

Слава Богу, что Валька низкорослый и хлипкий — как только хватался за нож, мать выгалкивала его вон, и он возвращался в свою комнату в старой кирпичной общежитии, где барахлит канализация и обитают мириады тараканов.

Я спрашивала мать, на фига Валя ей сдался, а она, не без гордости, отвечала:

— Ты че? У него ж «афганская» пенсия, и жилье, как законной супруге, мне перейдет... А ты думала я дура, да? — Вслед за самодовольным тоном слышался звонкий залиvistый смех.

Закусив губу, я натягиваю под лестницей кеды, прячу полотенце за ржавым радиатором, поправляю классный и удобный спортивный костюм Вики, что, по счастью, надела перед выходом из ванной. Пятерней привожу в относительный порядок мокрые длинные волосы и выхожу на улицу.

На пятачке у двери быстро нажимаю кнопки домофона с номером «1» и «3», но даже спустя пять прозвонов в квартире Ви никто не снимает трубку.

— Анжелка куда-то уехала. Машины, глянь, нет... — с лавочки подсказывают мне сердобольные бабки, и я давлю на «сброс».

Прячу руки в карманы черной олимпийки, и, будто так и было задумано, ухожу.

А вокруг разгар июльского вечера — за город, к водоемам, спешат машины, пожилые дачницы в трико, оставляя за собой шлейф из запахов костра, лука, укропа и петрушки, тащат на себе старые туристические рюкзаки, набитые дарами природы. Взявшись за руки, гуляют влюбленные парочки, дети гоняют на роликах и велосипедах, в низком небе, как сумасшедшие, со звоном носятся стрижи. А я просто иду вперед, хотя мне некуда идти.

Где-то далеко моя солнечная Ви обустроивает новую комнату — пытается поставить по фен-шую кровать, отодвинуть стол от окна, сорвать к чертовой матери шторы, чтобы ничто не могло встать на пути яркого света.

— Ох, Ви... Где же ты, Ви?.. — всхлипываю и набрасываю на голову капюшон.

Улетев в своих мыслях в другой часовой пояс, я не заметила, как отмахала пешком пять трамвайных остановок, а теперь очнулась — сгущаются сумерки, с набережной тянет холодом и мутным запахом стоячей воды. Я в Кошатнике.

Удивленно моргаю, озираюсь по сторонам, ноги нестерпимо гудят. Опускаюсь грудью на черный мрамор ограждения, пытаюсь перевести дух, закрываю глаза... а когда открываю их, как на ладони вижу дальние дали — мой сонный город, сияющий огнями — нитями золотых бус. Завороженно разглядываю виды, верчу головой, пытаюсь сохранить в памяти рифмы, как искры вылетающие из эфира...

Сегодня в Кошатнике никого нет, только черный силуэт одинокого парня, точно так же застывшего над панорамой, кажется странно знакомым, настолько знакомым, что я давлюсь и кашляю.

Парень оборачивается, хлопает ладонью по мрамору и начинает смеяться:

— О-ох, чтоб меня! Боевая подруга Таня! Какими судьбами ты здесь, Солнце?

Глава 10

Че направляется в мою сторону.

Волна паники заставляет сделать шаг назад, но вдруг сменяется смирением и облегчением — даже если мы проведем вместе всего пару минут, моя опасная ночевка вне дома хотя бы в эти минуты будет безопасной.

Улыбаюсь в ответ и снимаю капюшон:

— Гуляю... А ты?

— Тоже! — Че ловко подтягивается, садится на мраморное ограждение, а у меня кружится голова — я до одури боюсь высоты.

Мы долго молчим, уставившись в темноту под огромными елями, окружившими площадь. Судорожно соображаю, как продолжить разговор, но во рту пересохло, голос пропал, а мозги будто слиплись.

— Поздновато для прогулок, — непринужденно произносит Че, вырывая меня из трясины неуверенности, и снова включает звездную улыбку.

— Поздновато? — смеюсь. — Да ночь только начинается!

По мне скользит его подозрительный взгляд, и я в ужасе пускаюсь в оправдания:

— Ты не так понял! Я не такая... я к тому, что впереди ночь, а мне идти некуда...

— Боже, какое офигительное совпадение!.. — пораженно восклицает Че, но в его тоне мне мерещится странная обреченность.

— Совпадение? Отчим тоже бросился на тебя с ножом? — спрашиваю, и слова тут же встают поперек горла: Че о моих проблемах знать совсем не обязательно. Кусаю губу и ищу слова для того, чтобы перевести сказанное в шутку, но Че все так же безмятежно отвечает:

— Нет, не с ножом... Мой предпочитает старый добрый солдатский ремень с пряжкой.

Над Кошатником повисает тишина — шумят моторами машины, электронными сигналами обмениваются сверчки, о чем-то шепчутся листья в кронах старых тополей, но и эти звуки не сильнее оглушившей меня тишины. Люди, живущие в уютных квартирах с цветами на подоконниках, люди, имеющие идеальную жизнь, настоящую любовь, крепкие семьи, люди, летающие высоко, почти у Солнца — Че ведь один из них. Так что за бред он несет?

— Меня ему уже не достать, но этот урод лупит близнецов — моих младших братьев. Им по восемь лет. — Че будто ведет репортаж с развлекательного мероприятия, и его манера держаться так расходится с сутью сюжета, что становится страшно. — Мама не хочет ничего замечать. Не видит — значит проблемы нет. А я не выдержал — скрутил его и поставил фингал. Мать попросила пока не показываться дома... Я свалил, и вот — теперь тут.

Че криво улыбается, и мне хочется сбить эту улыбку с его лица, потому что она ненастоящая, а я вижу его душу. Но в следующий момент приходит осознание, что точно такая же улыбка почти всю жизнь спасает и меня. Забив на головокружение, взбираюсь на ограждение и сажусь рядом с Че.

Он рассказывает о том, что в семье он единственный, кто носит другую фамилию — фамилию отца, когда-то бросившего мать. Впоследствии мать повторно вышла замуж за коллегу — университетского преподавателя, родила близнецов и много лет терпит садистские замашки мужа, а воспитанием Че занималась бабушка... Которой не стало полтора года назад.

Я смотрю на него во все глаза: надо же, Че — не вырезанная из журнала картинка. Он настоящий. Дежавю снова морочит меня знакомым чувством, что мы похожи.

Я тоже открываю рот и выбалтываю все о своей никчемной бесцветной жизни. Мне не стыдно.

С каждым словом тяжесть вытесняется из груди эйфорией, ведь Че, склонив голову, слушает. Молча слушает.

Он близко, он теплый, от него так приятно пахнет. Но я знаю, что это за парфюм — Ви сбилась с ног, но разыскала, чтобы сделать любимому подарок.

Ви... моя подруга Ви любит этого парня, а он любит ее. Так что же здесь делаю я?..

Обжигающий стыд парализует. Поспешно загоняю обратно выползшие наружу чувства, о существовании которых раньше предпочитала не думать, и громко подытоживаю:

— Так что... если бы не Ви... меня бы уже здесь не было! — Однако чище совесть все равно не становится.

Че вздрагивает и отводит глаза.

— Она и меня вытащила... Я двух слов связать не мог после похорон бабушки, а меня воткнули ведущим праздничного школьного вечера. Ви подошла ко мне тогда и спросила, все ли со мной в порядке. Она словно прочитала меня, заняла собой все мысли. — Че подносит к лицу ладони, ожесточенно трет виски, снова поднимает взгляд и севшим голосом произносит: — Я не верю, что все так, как она сказала... Я не верю. Или... Солнце, ну где я накосячил?!

Че смотрит сквозь меня, от его боли в моих венах стынет кровь.

Сейчас к чертовой матери я все исправлю. Я скажу ему, что Ви тоже страдает, что она ему солгала.

— Будто это что-то может изменить! — Че обрывает мои намерения и спрыгивает на асфальт. — Наша с тобой жизнь, Солнце, полный отстой! Пошли развлекаться!

Тенью соскальзываю с ограждения, спешу за Че, недоумеваю и прошу пояснений:

— Какие еще развлечения в три часа ночи?!

— Вандализм! — На ходу он сбрасывает с плеча рюкзак и подмигивает мне. — То, что доктор прописал, если нужно прийти в норму.

Спрятав нос под клетчатой арафаткой Че, я трясусь в руке баллончик: гремит шарик, с шипением ядовитой змеи наружу вылетает струя черной краски. Размашистыми движениями я рисую на проржавевшей двери гаража знак анархии, и на меня поглядывают лишь облезлые собаки с ближайшей стихийной помойки да икающий от хохота Че.

«Live fast, die young» — вывожу я, отхожу на пару шагов и любуюсь кривой надписью, пока за гаражами нарастает гул мотора.

— Валим, валим уже! — Че дергает меня за рукав олимпийки, и мы срываемся с места. Мы бежим через пустые дворы — моя душа, расправив крылья, летит следом, а над домами испуганно розовеет только что проснувшийся новый светлый день. И новое Солнце.

Глава 11

Наверное, я — самый счастливый человек на Земле: даже не представляю, сколько сейчас времени.

По ощущениям — около десяти утра, но солнышко припекает как сумасшедшее. Рукава черной олимпийки задраны выше локтей, от усталости, бессонной ночи и несусветной жары за роем серых мушек перед глазами маячит обморок.

На деревянных лавочках, затерянных в лабиринтах стриженных кустов, на территории Третьей наркологии собирается народ — шуршат пакетами посетители, докладывают о своем житье-бытье бледные грустные постояльцы.

Стираю ладонью пот со лба, откидываю голову на спинку скамейки и гипнотизирую взглядом огромное безоблачное небо, а оно гипнотизирует меня... До тех пор пока от нестерпимой синевы на глазах не выступают слезы.

Хочется летать. Да я почти летаю.

Не знаю, как назвать то, что происходило несколько часов назад, но это было круто — грозившая быть самой страшной в моей жизни ночь внезапно стала самой счастливой.

Мы смеялись и носились по городу, украшая его стены рисунками черепов, сердечек и цветов, пацификами, радугами и знаками анархии. Наверное, в исторической части утро началось с нешуточного переполоха — на административных зданиях, жилых домах, гаражах и заборах сияли разноцветные надписи: «Punk not dead», «Peace and love», «Да будет анархия!»

Воскрешаю в памяти раннее утро, перемещаюсь во времени назад...

— Видели бы люди, чем сейчас занимается звезда! — комментирую я, а Че, прикрыв лицо клетчатой тканью, неподалеку малюет очередной шедевр.

— Я не звезда, а «ведущий развлекательных программ молодежной редакции ГТРК «Волжская глухомань», — он смеется. — И, если бы пошел после школы подрабатывать дворником, зарабатывал бы гораздо больше! Конечно, как-то раз я воспользовался положением и пообщался с кумиром, по музыке которого фанател с двенадцати лет. Да и тот оказался мудак!

Че заштриховывает желтой краской идеально ровный круг на синей кирпичной кладке, бросает пустой баллончик в урну, достает из рюкзака еще один и оставляет на стене под рисунком черную надпись.

В кармане его джинсов заходитесь воплем рингтон, Че вынимает телефон и, выругавшись, отвечает на звонок. Я мнусь рядом, пыльными красными кедами распугиваю суетливых муравьев, изо всех сил напрягаю слух, и искаженный динамиком женский голос произносит:

— Артем! Папа тебя простил и велит возвращаться. Немедленно.

Утренний город шумом, гамом и светом обрушивается прямо на мою голову — вокруг резко включается реальность с горьким привкусом прерванного сна.

С досадой смотрю на Че — может, и он мне всего лишь приснился?

Че собирает баллончики, вешает рюкзак на плечо и озадаченно разглядывает меня, будто тоже увидел впервые.

— Ты сможешь добраться до дома? — тихо спрашивает он.

«...Конечно же нет... У меня нет ключей и денег, и сил идти пешком до своего района тоже нет...»

Но я только улыбаюсь и пожимаю плечами:

— Без проблем!

— Спасибо тебе! — говорит он совершенно искренне и уходит.

Я молча гляжу на его спину, на рюкзак с цепями и нашивками — хочется сорваться и побежать следом, чтобы очутиться в сказке, где живет Че... Непростой и грустной, но все равно сказке.

А потом я перевожу взгляд на кирпичную стену и вижу под изображением желтой пылающей звезды черную надпись: «Пусть всегда будет Солнце».

Светило жарит во всю адскую мощь, я стараюсь не закрывать глаза, хотя на периферии зрения уже мелькают смутные тени снов.

Наконец стеклянная дверь «Стола справок» тихонько открывается — осторожно ступая, к лавочкам выдвигается моя мать. Я вскакиваю и машу ей рукой, она подлетает ко мне, воровато оглядывается, сбрасывает с плеч ситцевый халат в цветочек и оказывается в том же наряде, что и вчера.

— Все, Танюх, отчаливаем! — Она трясет пакетом. — Остальное Катерина мне дома доделает. А ты чего это здесь?

— Валька твой снова чертей гонял... — бурчу, и мать клянется сегодня же выставить его из дома.

Страшная жара раскалила докрасна даже нутро трамвая — расстегнув олимпийку на груди до лифчика, я в полусне еду домой, рядом вменяемая трезвая мама строит планы на ближайшие недели, в окне хмурый мужик в оранжевом жилете прислоняет к кирпичной стене здания Администрации стремянку. Он окунает в ведро кисть и медленно замазывает белым наши утренние художества.

Под гул и грохот я летаю в невесомости и снова, словно наяву, вижу перед собой яркие глаза Че.

Глава 12

Память — странное свойство, дарованное людям кем-то свыше: стоит услышать несколько знакомых нот или неуловимый тихий запах, и она забрасывает нас в определенный момент прошлого. Но оказываемся в нем мы не разумом, а душой. Сейчас от запаха воды, прибитой пыли и стирального порошка моя душа вдруг снова стала душой чистого счастливого ребенка, который много лет назад, как и теперь, наблюдал, как мама моет засиженный мухами подоконник, натирает до блеска оконные стекла и мурлычет песню себе под нос.

И маленькая, тогда еще белокурая девочка Таня знает: если мама занята уборкой, значит несколько месяцев у них будет горячая еда и тихий спокойный сон.

Рвусь помочь и хватаю тряпку, но мама гонит меня из гостиной, и я, улыбаясь, ухожу в свою нору.

Сажусь на скрипучий диван, долго пялюсь на ноутбук и собираюсь с духом, словно он может взорваться в руках, если будет открыт. Срываюсь с места и все же забираю его со стола.

В личке меня ждут сообщения от Ви — она весело подмигивает с основного фото:

«Привет, Солнышко! Я добралась. Тут неплохо, комната раза в два больше, чем наши с тобой. С отцом стараюсь вообще не разговаривать — не заслужил. Хотя он пытается делать вид, что не забыл прошлое. А сам ничего не помнит, даже моего любимого мишку Тоней назвал...»

— Его звали Соня! — шиплю я, продолжая скользить взглядом по строчкам.

«Город, насколько можно о нем судить из окна машины, красивый. Думаю, мне понравится здесь. Мне только очень сильно не хватает тебя, Солнышко. И Темки... Как твои дела? Пожалуйста, ответь мне сразу, как появишься в сети. Мне кажется, я ночью с ума сойду».

Отшатываюсь от экрана, словно схлопотала сильнейшую оплеуху. Во рту мгновенно пересыхает — жара с улицы, кажется, добралась даже сюда.

Вряд ли Ви спала этой ночью. И я не спала. И Че — тоже не спал. Да только вот не спали мы по разным причинам!

В наказание заставляю себя читать дальше — открываю сегодняшние сообщения, в которых Ви радуется, что ее папа все же оказался не таким уж и мудаком: «Он помнит, что я не пью молоко с пенками, а еще купил на завтрак мои любимые кукурузные хлопья! Так что жить можно. Но я скучаю! Слышишь? Я скучаю! Чем ты там занята, появишься уже!!!»

«Тань, я теперь уже думаю, что раз вы в одном городе, то ты, возможно, в курсе, как у Че дела. Интересно, как он переносит... Прости, я уже с ума тут схожу :)))»

Замечаю, что под фоткой Ви загорается зеленый кружок «Online», и она начинает набирать новое сообщение.

«Нет, я не знаю. У меня все хорошо», — пишу судорожно. Не исправив опечатки, нажимаю на «enter» и в ужасе захлопываю ноутбук.

Лежу на диване, и мысли, словно неповоротливые дирижабли, медленно плывут в голове. Я предала свою подругу. Я не сдержала обещание. Я соврала ей.

Но улыбка Че, такая волшебная, не всегда живая и настоящая, но сиявшая от меня так близко, затмевает все.

И от нестерпимой жары хочется стянуть с себя даже собственную кожу.

Я сплю весь день, уткнувшись носом в выгоревшую ткань диванной спинки, вижу разухабистые больные сны, в которых падаю с лестниц и крыш, вздрагиваю от испуга, но за спиной вовремя вырастают крылья. И я снова летаю.

В реальность меня возвращает адский звук древнего пылесоса «Циклон», что с грохотом катается за матерью по квартире.

— Убраться надо, Танюх! — поясняет она, когда я открываю глаза. — Катерина вечером придет лекарства прокапать, неудобно... Я вон и Валю отсюда попросила. Он, кстати, ничего про нож-то и не помнит! Совсем стал ку-ку! Ну ниче, в общаге перетопчется. А завтра мы с тобой в Прасковьино махнем! Утренней электричкой.

В «завязке» мама всегда развивает бурную деятельность — компенсирует месяцы, потраченные на загулы. Она довольно хохочет, отключает пылесос из розетки и вывозит его в прихожую. Я смотрю ей вслед, перевожу взгляд на обшарпанные дверные косяки, потолок, в последний раз беленый еще до моего рождения, пожелтевшую люстру из оргстекла, стилизованную под хрусталь, розовеющие солнечные блики на стенах, а где-то между ребрами и желудком теснится тепло, очень много тепла. Оно греет грудную клетку и сердце, опускается в низ живота. И мечты распускаются ядовитыми цветами до тех пор, пока затуманенный взгляд опять не набредает на осиротевший без хозяйки ноутбук.

Матерюсь, трясую головой в надежде вытряхнуть из нее дурацкие мысли, нажимаю кулаком на солнечное сплетение, чтобы вытравить оттуда тепло. Встаю, беру ноут, пристраиваю его к себе на колени, вздыхаю и снова решаюсь открыть.

Одно сообщение от Ви:

«Солнышко, что с тобой? Я тебя чем-то обидела?»

И слезы, самые настоящие, подступают к глазам. Я медленно и старательно набираю в ответ, что скучаю, что живу-поживаю и мучаюсь, что страшная жара накрыла наш город, в котором так одиноко без Ви. Пишу от чистого сердца чистую правду, обхожу лишь ответ на один вопрос, но эти пустяки не стоят ее внимания.

«... Прости меня, все будет как раньше!» — клянусь на прощание, но не успеваю вырубить питание, потому что щелкает новое сообщение, и оно не от Ви.

«Солнце, как обстановка дома?» — интересуется Артем Черников, с аватарки которого во все тридцать два зуба скалится Че... и у меня срывается дыхание.

Больно бью себя по лбу, рычу от бессильной злости и отправляю в ответ:

«Дома хорошо. Нужно увидеться. Прямо сейчас!»

Глава 13

Вываливаюсь из сырого, пропахшего плесенью подъезда, и страшная уличная жара горячей волной опалает лицо. Сухой воздух забивает легкие, раскаленный асфальт обжигает ступни даже через подошвы блестящих босоножек Ви.

Сверкая бледными коленками, бегу к остановке и с досадой отмечаю, что старательно наведенный для Че макияж поплыл. Придется предстать перед ним в образе заспанного енота. От стыда и дикого волнения выпрыгивает сердце, на секунду я принимаю решение никуда не ехать, но все же влезаю в пышущее адом нутро подошедшего трамвая.

В нем даже невозможно держаться за поручни — настолько те раскалены, но на обжигающую боль в ладони я не обращаю внимания.

Еще полчаса — и я увижу Че... В последний раз. Решено: я солью ему секрет Ви, выброшу блажь из своей головы и продолжу дальше вечерами сидеть на подоконнике, выдумывать новые жизни вымышленным людям, собирать слова в рифмы и ждать для себя любви. Другой любви.

Мне не нужно чужого счастья.

А город за пыльным окном беспомощно пригнул от жары голову и смиренно плавится, истекая, как потом, зловонным гудроном.

Невысокие тонкие каблук проваливаются в мягкую жижу — асфальт вот-вот разверзнется под ногами и отправит меня прямиком к другим грешникам — в ад. Спешу к набережной, где жители города расстелили на бетонных плитах покрывала и, игнорируя полуживых милиционеров, в разгар раннего буднего вечера устроили массовый отдых у воды.

В Кошатнике непонятное оживление — хихикают и визжат девочки, кто-то громким сорванным голосом вещает о чем-то, и я прищуриваюсь, чтобы вникнуть в суть происходящего.

Сразу узнаю футболку Че со знаком биологической опасности на белом фоне. Он позирует перед фотокамерой с уже, кажется, пятидесятой восторженной девчонкой, в то время как ее подруги с нетерпением ждут своей очереди в сторонке. А на мраморном ограждении развалился здоровый парень в длинных шортах цвета хаки и громко глумится:

— Да вы че, девки? Он же дятел! Да у него таких знаете сколько?.. — Здоровяк сдабривает речь отборной площадной бранью, но Че, нацепив неизменную звездную улыбку, смотрит в объектив очередного фотоаппарата, сохраняя на лице холодную безмятежность.

Завидев меня, Че деликатно отстраняет от себя поклонницу и бегом направляется в мою сторону.

У меня же в этот момент отказывают ноги. Он все ближе, а земля уезжает, словно пол карусели, и паника останавливает сердце. Сейчас я упаду прямо в руки Че. Если не очнусь, если срочно не найду выхода... Хватаюсь за черный мраморный шар на перилах и перевожу дух.

— Привет! — Че озирается по сторонам и прячет руки в карманы голубых джинсов. — Многовато посторонних. Надо срочно найти место потише.

От счастья я готова молиться всем богам — Че ничего не заметил.

— Часто тебя достают на улицах, да? — сиплю и, прочистив горло, продолжаю: — А тот, толстый, кто такой?

— Толстого зовут Толстый! — усмехается Че. — Он типа руфер. В прошлом я... делал про них статью. Он невысокого мнения обо мне, как видишь.

Че медленно опускается на лавочку в конце набережной и надолго замолкает, глядя на синюю воду и белые постройки микрорайонов на другом берегу.

— Тем, извини, если оторвала от дел, но я хотела кое-что тебе рассказать... — вырывается из моего рта чей-то чужой голос. — Про Вику.

Че напрягается, поднимает на меня нестерпимо зеленые глаза и в них загорается граничащая с помешательством надежда.

Вот я и сделала это.

Мне больно, но чувство правильности происходящего придает сил.

Однажды, в пятом классе, я нашла на улице полный денег бумажник. Денег могло хватить и на кроссовки с огоньками в подошвах, которыми я грезила, и на беременную Барби, и на коробку энергетических батончиков... На хлеб, сосиски и молоко. На квартплату. Но я вернула кошелек потерявшей его тете, за что получила от нее похвалу и шоколадку, и впервые испытала то самое невероятное чувство собственной правильности.

«...Так что давай, Че, лети!..»

— Все же есть что-то, чего я не знаю? — спрашивает он, и я в замешательстве присаживаюсь на горячую поверхность скамейки.

— Да! Есть. Вообще-то она сказала перед отъездом, что... — Че смотрит мне прямо в глаза, будто намерен влезть в душу и вывернуть ее в поисках ответа. Дух перехватывает, меркнет свет.

— Она... сказала... что... расстояние и время, так или иначе, все испортят. Мне кажется, она не права. — Это все, на что у меня вдруг находятся совесть и силы, но я тут же спохватываюсь: — Напиши ей! Пожалуйста! Сегодня же напиши!

Че бледнеет от разочарования.

— Ясно. Знаешь, я много говорю, но часто — мимо. Но представь: кто-то уже срифмовал твои мысли так, как надо... Кто-то все сказал так, как сказал бы ты. Она это делала. С ней я забывался, отпускал ситуацию, не думал о плохом. Мы были вместе больше года, я думал, что у нас с ней одна душа. А теперь она несет бред про какие-то расстояния... Погано. На душе так погано!

Его фраза отдается болью в сердце: рифмы, мысли, совпадения, одна душа.

Чтобы не заплакать, трогаю пальцами губы, молча смотрю на дальний берег, идеальную картинку которого искажает раскаленный воздух.

— До свадьбы заживет...

— Что? — Че поднимается со скамейки и заслоняет вконец осатаневшее от июльской жары светило.

Я перестаю грызть ноготь на правом мизинце, тушуюсь, задыхаюсь и почти умираю, но без всякого выражения мямлю:

— Это из нового. «До свадьбы заживет, не рана — пустяки.

Холодная слеза, отчаянья иголка.

Я — городская явь, совиная тоска,

Вздохмаченный никто с глазами волка.

Мне хорошо молчать. Хоть знаю много слов,

Но я скажу тебе: «Привет!» и только.

Ты головой кивнешь. И я в карманах вдруг

Найду с десятков звезд, смешных и колких.

Какая ерунда: вот так стоять и быть,

И сплевывать свой мир себе под ноги.

Какая ерунда — замяться и неметь,

Вдыхая кислородные потоки.

А в городе моем бессильные дожди

Пустую руку смыслом наполняют.

И я стараюсь жить, и я учусь терпеть

Твой слишком яркий свет, под ним линия...» — Запрокинув голову, я разглядываю его лицо и беспомощно щурюсь от слепящих солнечных лучей. — Ви не любит розовых соплей. Но если ты скажешь ей что-то подобное, она оценит...

— Думаешь? — Че вдруг становится абсолютно счастливым. — Скинь мне этот стишок. Вечером я ей напишу. Она поймет, что расстояние и время ни черта не портят, потому что я все равно не могу без нее жить.

Глава 14

Я не могу дышать — спазм скрутил горло, но улыбаюсь:

— Окей... Удачи тебе! — Встаю с горячей скамейки, поправляю легкое платье, навсегда запоминая последние секунды, проведенные рядом с Че, и ухожу. Сегодня я уйду первой и больше никогда не вернусь.

Впереди душная бессонная ночь, одиночество, целая половина лета... Да о чем я? Впереди ведь целая жизнь.

— Солнце! — раздается за спиной знакомый всему городу голос, и я на миг застываю, но надежда не успевает наполнить душу своей отравой, потому что Че продолжает: — Спасибо тебе! За все! Если что-то будет нужно — напиши...

Не оборачиваюсь, только взмахиваю на прощание рукой.

Я была здесь лишней — просто хотела увязаться за Че, чтобы попасть в его сказку, как когда-то увязалась за Ви. Не прокатило.

Поделом мне, и пусть сейчас в груди больно до одури, но скоро станет легко.

С заходом солнца изнуряющий зной отступает, от бетонных стен исходит жар, как от деревенской печи. Они снова стали мрачными и одинаковыми — от разноцветных рисунков и бунтующих надписей не осталось и следа. То был просто сон. А я теперь иду дальше и продолжаю верить в лучшее. Наяву.

В темноте у родного подъезда стою, запрокинув голову, и разглядываю окно кухни на третьем этаже — в нем горит уютный желтый свет. И не нужно выдумывать никакой сказки — она там и так есть. Там мама, трезвая и тихая, жарит в масле творожные шарики по любимому рецепту из детства, ветхие поверхности мебели и старая утварь начищены и блестят как новые, там, в темных углах, прячутся мои добрые домовые, там сейчас так хорошо!.. И я сломя голову бегу домой.

Мама любит книги про Анжелику, индийские фильмы и русские мыльные оперы, что идут после «Времени» на первой кнопке. Она никогда не витает в облаках, не грезит о высоком и уж тем более не плетет стихов. Ее можно было бы даже назвать недалекой, если бы не присущие ей природная хитрость и непотопляемое чувство юмора. Мы пьем чай с горячими румяными шариками из творожного теста, следим за драмой, развернувшейся на экране старого, искажающего цвета телика, но сопереживать актерам не получается, потому что мама отпускает в адрес страдающей героини и ее мачо скабрёзные шутки и громко хохочет.

В комнату ухожу рано — от поездки в Прасковьино мама так и не отказалась.

Ей-богу, скоро для меня не будет вещи страшнее, чем ноутбук Ви — едва на него взглянув, я с ужасом вспоминаю про свое забытое обещание.

Открываю диалог, состоящий всего из двух сообщений, старательно по памяти набираю сегодняшний стих и отправляю его Че. Пусть распорядится им так, как считает нужным.

Раздеваюсь, расстилаю на диване застиранное посеревшее постельное белье, залезаю на скрипучие пружины и прячусь под простыней. Но уснуть не получается — режим сбив полуденным сном и страшной духотой, будто мокрой тряпкой закрывшей нос и рот. Под ребрами расплзается тоска, в солнечном сплетении оживает нестерпимо нежное тепло... Сюрприз: оно никуда не делось!.. Вдыхаю, верчусь, словно курица на гриле, но первая же мимолетная дрема больше похожа на красочную мечту о парне, который мне не принадлежит.

В разгар моей борьбы с собой лежащая на столе адская машина Ви, навязчиво щелкая, раздражает очередь из сообщений.

«Солнышко, выйди в Скайп плиз...», «Давай с моего аккаунта, я сделала себе новый», «Я просто пьяная, звезда, мимо кнопок мажу», «:) :)»», «Поболтать хочу, Тань. Ты мне нужна» — читаю я.

Минут десять уходит на то, чтобы разобраться в премудростях Скайпа и наконец увидеть Ви живьем — за несколько дней разлуки она нисколько не изменилась: широко улыбается, постоянно заправляет за уши непослушные белые пряди, невпопад смеется и сыплет нашими общими, придуманными самой жизнью приколами. Мгновенно забываю о пропасти в полстраны, пролегшей между нами, рассказываю о том, что тут сегодня о-о-очень жарко и, как обычно, ничего не происходит, о том, что мама наконец бросила пить.

— А я вот начала! — гогочет Ви и чокается с экраном пивной бутылкой. — Ребята, тут тоска смертная!..

— Ну и дура! — хихикаю я.

И Ви выдает:

— Ты там не влюбилась, случайно? Ты какая-то странная! — Отчего я впадаю в ступор. Это же Ви — мой друг, мое Солнце, у меня не должно быть от нее секретов. Как бы страстно мне ни хотелось их иметь.

Но я чувствую облегчение оттого, что Ви далеко, что наше нынешнее общение — лишь иллюзия: синюшная плоская картинка, отстающий звук и взгляд, устремленный на экран, а не в глаза собеседника.

— Без шуток, тебе давно пора! Я в твоём возрасте уже перестала быть девочкой! Хотя дело, конечно, твое. Просто мне повезло, у меня был Че... Вот бы и тебе так повезло! Я надеюсь, ты мне сразу все расскажешь, да? Друзья навеки — помнишь? Твое здоровье! — Она снова задевает стеклянным донышком фронтальную камеру своего ноута и присасывается к горлышку бутылки.

А я молча вырубая ноутбук и заталкиваю его под диван.

Глава 15

Полупустая грязная электричка, гудя, ползет сквозь замерший в неизвестности утренний мир, над которым вездесущим оком Саурана восходит сошедшее с ума, слетевшее с тормозов Солнце.

Несмотря на ранний час, от нехватки воздуха двоится в глазах, но на душе все равно муторно и волшебно, хоть бейся головой о тонкую стенку вагона. Я еду той же дорогой, по которой в свое будущее упорхнула Ви, но мне добираться до места всего каких-то пару часов. И приеду я в прошлое.

Прасковьино — заброшенная деревня в трех километрах от станции, затерянная в полях, обдуваемая всеми ветрами. В ней когда-то жили родители отца, да и сам отец родился и вырос в простом бревенчатом доме, что уже много лет стоит с заколоченными окнами, закрытым на огромный амбарный замок.

Там нет никаких благ цивилизации, кроме электричества — даже сотовые телефоны в тех краях ловят сеть через раз.

Мама кемарит на лавке напротив, уронив голову на руки, заботливо обняв клетчатую сумку, набитую съестным и моющими средствами — неугомонный блюститель чистоты, дремавший в ней много месяцев, развернулся в полную мощь.

Улыбаюсь и провожаю взглядом деревянные домишки, проплывающие вдоль насыпи, цветы в палисадниках, перелески, погосты, поля... Я рада, что свалила из города: исчезла, потерялась — ищите меня теперь.

«...Идите вы все... И ты, Че — красивый улыбчивый зомби, разбрасывающий свою боль вокруг, как заразу, и ты, Ви — сделавшая его таким. Дай Бог, чтобы он заставил тебя сознаться. Помиритесь и исчезните из моей жизни. Идите куда подальше. А ты, подруга, и свои вчерашние слова с собой забери...» — кровь в венах начинает закипать.

Снова кусаю истерзанную губу, ртом вдыхаю горячий разреженный воздух и закрываю глаза. Ви не виновата — ничего нового она мне не сказала. А про их романтические вечера и страстные ночи я и так давно и в мельчайших подробностях знаю все. Хотя всегда старалась пропускать мимо ушей многочасовые рассказы подруги на эту тему.

Вот и еду в глушь, чтобы привести в норму сорвавшееся с цепи сердце. И для профилактики пару раз легонько бодаю глупым упрямым лбом обшитую фанерой дребезжащую пергородку.

Под заунывные мелодии радио «Шансон», доносящиеся из динамика ожившего транзистора деда, мама борется с паутинами, опутавшими изнутри бревенчатую избушку, выметает из углов пыль и мышинное дерьмо, заливает поверхности хлоркой, драит полы и до блеска натирает хрупкие, отливающие радугой оконные стекла.

— Вот, Танюх... Сколько мы тут с тобой не были, а? — удивляется она.

— Два года! — подаю голос с отсыревшей антикварной тахты — устроившись на ней по-турецки, я весь день разбиралась с ворохом старых бумаг и пожелтевших газет, добытых из недр старого сундука, живущего в темном чулане.

«Пусть всегда будет Солнце», — напечатана на последней полосе одной из них детская песенка, и я рву изъеденную жуками страницу на мелкие клочки.

В последний раз мамино «просветление» пришлось на теплое время года пару лет назад. И ровно столько мама не была на местном заросшем кладбище, где лежат папа и брат.

— Два года... — испуганно шепчет она и садится на венский стул с истлевшим поролоном на сидушке.

— Вот ты все пьешь, пьешь, мам, прикидываешься, что живешь весело, а время летит! К ним, наверное, сейчас и пройти не получится! — Иду в наступление на мать, потому что досада на Ви и Че с их гребаной любовью подняла с души муть — вспомнился и сгоревший пуховик, и вечно урчащий от голода живот, и чувство своей второсортности и вселенской несправедливости.

— Ой, пью я, смеюсь... Ты тоже как блаженная вечно лыбишься... — огрызается мама и срывается на крик: — А ведь их уже все равно не поднимешь! Не вернешь!..

— Но ведь я-то жива, мам... — говорю тихо и с удовлетворением смотрю, как она бесильно открывает рот, беспомощно на меня тарашится, сдаётся и отводит глаза.

В этот день я буду загорать до солнечных ожогов и полного размягчения мозгов, пить квас и обливаться почти кипящей водой из бочки, в которой раньше по весне всегда плавали мелкие красные червячки, а после заката стану сидеть на лавочке у дома, слушать ночных насекомых и птиц и, напрягая глаза, разглядывать темную даль, где у линии горизонта мелькают желтым огни поездов. И изо всех сил стараться вообще ни о чем не думать.

Но, вернувшись на следующий день домой, с кайфом мазохиста пойму, что осталась все той же влюбленной по уши убогой идиоткой.

С того раскаленного душного вечера, когда я готова была упасть в объятия Че и взлететь вместе с ним над набережной, прошло больше двух недель.

Выжженный Солнцем мир погружается все дальше и дальше во мглу — вокруг горят торфяники и леса, стоит непроглядный смог: карающее светило забирает у беспомощных потерянных людей самое ценное — возможность дышать. Днем от гнева небес я прячусь, завесив окна мокрыми простынями, но системы все равно сбоят — еда не воспринимается организмом, все блага для меня теперь заменяет старый дребезжащий вентилятор и холодный мамин квас.

Все это время Валя в одних трусах лежал на диване, глушил дешевое разливное пиво, крыл матом правительство и складывал скомканные пластиковые бутылки в кучку у подлокотника. Но сегодня мама, взбеленившись на пустом месте, наконец выгнала его восвояси. Слава Богу, одним раздражающим фактором меньше.

Но остался еще один — и это, как ни странно, Ви.

Она каждый день строчит мне отчеты о своей жизни — жизни в комфорте, любви, достатке и прохладе. Прохладе...

Вру, что у ее верного обклеенного черепашками «старичка» отказала камера и выйти в Скайп больше нет возможности. Потому что просто не хочу ее видеть. Я ее ненавижу. Ненавижу себя, ненавижу Че, ненавижу людей в окнах соседнего дома, ненавижу весь мир — и пусть Солнце спалит нас ко всем чертям!

Ведь мои шаловливые ручки все-таки открыли папку «One Love» и добрались до фотографий Вики и Че. Я увидела, как он умеет любить. Какими темными становятся его глаза, какой светлой бывает улыбка... Каким невозможным и перехватывающим дыхание он может быть.

И я, прямо в центре сорокаградусного ада, чувствую озноб от того, что со мной Че не будет таким никогда.

Глава 16

Праздность — едва ли не самая хреновая вещь, что может приключиться с человеком. Это она тянет за собой свору других смертных грехов, это из-за нее я не узнаю себя в злобном задерганном тощем существе, что пялится по утрам из мутного зеркала, это из-за нее меня заживо сжирает ненависть. Все беды из-за нее.

Решаю исправиться, заняться делом — выгружаю из ящичков сорокалетнего стола потрепанные общие тетрадки, исписанные моей рукой, перечитываю их содержимое: дневники, записки, рифмы, зарисовки. Старательно выискивая нужные клавиши, перепечатаваю в текстовый документ то, что особенно дорого, и сохраняю в памяти ноутбука.

К концу второго вечера есть успехи: уже довольно быстро и без опечаток набираю текст, и мои странные рифмы, черные на белом фоне, теперь выглядят совсем как строфы на страницах изданной книги. Искренняя улыбка впервые за долгие недели расслабляет лицо — я очень люблю книги, люблю листать их теплые, всегда по-разному пахнущие страницы, люблю, отключившись от серой реальности, улетать в их волшебные миры.

Любовь к чтению еще в детстве привил мне брат, читавший вслух те самые сказки. Потом я прочитала все его книги, оставшиеся в пыльном шкафу — он любил поэтов Серебряного века, Набокова и Булгакова, и от «Мастера и Маргариты» я в тринадцать лет надолго потеряла сон. Читала с упоением и много: произведения школьной программы, книги для внеклассного изучения, книги, что нам вообще не задавали. Книги из местной библиотеки, книги деда из старого дома, книги Ви в тот период, когда она грезилась альтернативой... Читала запоем чужие книги, но всегда мечтала поддержать в руках живую и теплую свою, на страницах которой для кого-то оживет мечта, пойманная в эфире и загнанная в форму слов именно мной.

Кто знает, возможно, сегодня я сделала первый маленький шаг этому навстречу?

В недрах стола нашлись наши с Ви записки, я разбираю их и читаю:

«Солнце — мой самый лучший друг на всей земле. Йо!» — ровные буквы знакомого почерка порхают в миллиметре над строчкой.

«Ви — лучше всех на свете. Е!» — мои закорючки пляшут и заваливаются вниз.

Воспоминания о солнечном весеннем дне, когда мы с Ви тусовались в ее комнате, делали сигны с именами друг друга, писали шуточные признания в любви и смеялись, и никакого мальчика в нашей жизни не было и в помине, вдруг расставляют все на свои места.

Подрубившись к беспроводной сети, которую тетя Анжела не отключает, даже уходя утром на работу, я до вечера общаюсь с Ви и мне кажется временами, что из открытой форточки вместо страшного зноя веет прохладной, долетевшей сюда из ее нового города.

Вот так: отпускаешь от себя злые мысли, расправляешь плечи, выдыхаешь — и излечиваешься.

У зеркала в прихожей отстригаю густую челку по брови и снова нравлюсь себе. Ловлю в гостиной маму и пытаюсь душить в объятиях. Рвусь в тринадцатую квартиру, чтобы навесить тетю Анжелу, которая, каждый вечер выходя из машины, пробегает взглядом по нашим окнам... Но вовремя спохватываюсь — час для нее не поздний, она, возможно, еще не вернулась.

Срочно возвращаюсь в комнату, раскрываю оконные рамы, наваливаюсь на подоконник и в сумерках высматриваю на стоянке во дворе блестящую иномарку, но ее нет. А на асфальтированном пятачке у скамеек стоит парень в черной бейсболке, и меня мгновенно парализует.

Это Че... И он смотрит в мою сторону.

Мир взрывается брызгами красок из разноцветных баллончиков, сердце ухает в живот, от радости я забываю имена всех, кого знаю, равно как и свое. Но разум побеждает, смущенно

возвращается и подсказывает услужливо, что взгляд Че устремлен гораздо выше — он застыл на темном окне четвертого этажа.

Этот проклятый Че возник словно черт из табакерки и, кажется, только что снова сломал мой мир. Устало вздыхая и непослушными руками тихонько прикрываю раму. В последний раз украдкой смотрю вниз — включается уличное освещение, и в свете фонаря на идеальном недостижимом лице Че я замечаю ссадины и кровь.

Глава 17

Знаю, нет у меня гордости — но это даже хорошо. Иначе как бы я продержалась, восемь лет гоняя в вещах брата по школе, в то время как остальные девчонки устраивали ежедневное дефиле в новых шмотках? Вот я и натягиваю впопыхах кеды Ви, кричу матери, что выйду ненадолго, хлопаю ветхой фанерной дверью и выбегаю в подъезд. Кровь гудит в ушах, как бушующий океан — даже громкого топота ног по бетонным ступеням не слышу. Выбегаю в душные сумерки, резко торможу, потому что от ужаса темнеет в глазах. Делаю несколько шагов и дергаю Че за рюкзак — тот даже не обратил внимания на тень, метнувшуюся к нему из подъезда.

— Привет, Че! — бодро приветствую я, он поворачивается и растеряннo скользит по мне взглядом. Его внешности нанесен страшный урон — щека распухла, из ссадины проступает кровь, под глазом пролегал яркий синяк. Че включается в реальность и широко улыбается:

— Солнце! Я ведь забыл, что ты тоже живешь тут! — Группа шумной молодежи проходит мимо подъездов, Че рефлексивно хватается за козырек бейсболки и низко опускает его на глаза.

— Что случилось?! — Я готова закричать, физически чувствуя его боль. — Снова неприятности дома, да?

Че вразвалочку направляется к лавке, взбирается на нее с ногами, садится на спинку, а я благодарю Бога, что местные бабушки не видят этого свинства — давно сидят по домам, уткнувшись носами в волшебные телевизионные экраны. Отголоски озорства, что мы однажды учинили с Че, проносятся эхом в душе, радостно улыбаясь, я вслед за ним взбираюсь на лавку.

— Этот гребаный урод, — в излюбленной манере «репортажа с места событий» рассказывает Че, — опять гонял ремнем близнецов, а они мелкие, даже для своих восьми лет еще шкеты, понимаешь? Они плакали, прятались, а мать просто сидела в комнате. Я живу с ними только полтора года, но такого насмотрелся, что впору убить его к чертям! А она отсиживается в комнате...

Че в сердцах сплевывает под скамейку, привычным неосознанным жестом трет виски и надолго замолкает. Смотрю в темноту подвальных окошек соседней пятиэтажки, на Че взглянуть не могу — боюсь, что чувства, до предела обостренные его присутствием, взорвут меня изнутри. И я повалюсь назад, прямо в выгоревшую траву палисадника.

— Тебя опять попросили из дома... — Медленно въезжаю, и Че взвизгивает:

— Когда я не выдерживал и ставил его на место — оказывался виноватым!.. Сегодня же я даже рожу не пытался прикрыть! Потому что мать стояла в дверях. Она все видела! Как думаешь, Солнце, что она на это сказала?

Нет, Че, твоя сказка не может быть настолько плохой...

До этого момента, спрятавшись за улыбкой, улетев от реальности подальше, я всегда могла отстраниться от ее несправедливости. «Что поделать, — думала я. — Жизнь просто такая. Тупая, жестокая, глупая и бессмысленная». Но сейчас гнев выбивает из легких весь отравленный гарью воздух. Поднимаю голову и смотрю прямо в глаза Че, а в них в свете фонаря мерцает холодная злость.

— Тебе сейчас некуда податься, так? — спрашиваю, пытаюсь разглядеть за ней темный огонь, что видела на тех злополучных фотографиях.

Он утвердительно кивает, и мой мозг срывается в хаотичные поиски выхода.

— Гостиница? — предлагаю я.

— Какая гостиница, я на мели, даже полугодие в универе еще не оплатил, — усмехается Че и расслабленным жестом указывает на свои раны. — Да и если где-нибудь засвечусь с такой мордой — та еще сенсация будет.

— Друзья?

— Нет у меня друзей, Солнце.

На верхних этажах грохает рама, где-то нестройно поют подвыпившие женщины, комментатор громко ругает футбольного судью в неведомом телевизоре. Я совсем забыла, что рядом со мной сидит местная достопримечательность, недостижимая мечта, звезда. И вокруг него наверняка вертятся лишь завистники и прихлебатели, но и те, и другие ждут, когда же Че оступится и побольнее упадет. В ужасе отвожу взгляд и охаю:

— Че, а как же ты будешь вести эфиры?..

— Сейчас гоняют старые выпуски.

Летний вечер плавно превращается в густую, черную, словно сажа, непроглядную ночь. Температура едва ли опустилась ниже тридцати, по спине под белой майкой Ви струится пот, сердце заходится и пропускает удары, под фонарем танцуют серые мелкие мотыльки. Че рядом, почти касается татуированным плечом моего худого обгоревшего на солнце плеча, и я уже там, на высоте — кружусь среди мотыльков в девяти метрах над поверхностью горячего асфальта.

Но в сонные звуки только что народившегося августа воплем врзается адский тяжеляк входящего вызова.

Че смотрит на подсвеченный белым экран — его лицо перекашивает жуткая улыбка — и молча подносит телефон к уху. Скрипучий женский голос отстраненно, как робот, выдает:

— Артем, папа тебя простил и велел сейчас же возвращаться.

И Че дурным голосом орет в трубку:

— Знаешь, что?! Зато я вас ни хрена не простил! Пошли вы!.. — Он прерывает вызов, выключает телефон и бросает его на самое дно рюкзака. Его руки трясутся.

Изо всех сил вцепившись в некрашенные сучковатые доски, я втягиваю голову в плечи, сутулюсь и съеживаюсь, а сердце обливается кровью. Я должна ему помочь. Кто, если не я?.. И мой растаявший, словно сливочное масло, мозг наконец выдает блестящее решение.

— Че, у тебя есть хоть немного денег? — начинаю осторожно, и он кивает.

Медленно слезаю со скамейки, обретаю неустойчивую почву под ногами, растерянно озираюсь, прячу руки в карманы шорт.

— Я тебя на пару дней впишу, — решаюсь я. — Но это не здесь, нам придется бежать на ночную электричку.

«Скажи: «Да». Согласись. Пожалуйста...» — кусая губы, про себя молюсь я, и Че вешает рюкзак на плечо:

— Окей.

Глава 18

Я еще ни разу не ездила на ночных электричках — лишь сидя на лавочке у деревенского дома, считала мелькавшие у темного горизонта огни в их длинных хвостах. Мне казалось, что уехавшие в ночь люди — это счастливцы, что сожгли за собой все мосты и решились начать жизнь с чистого листа. И для каждого из них в моей голове был готов новый сценарий — неизменно с хэппи-эндом. А теперь я сама путешествую так, и под монотонный стук колес и холодный неверный свет ламп мечтаю, чтобы путешествие не заканчивалось никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.